

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Цѣна 3 руб. (6 сант.).

Выходитъ ежедневно утромъ.

Объявленія:

За строку петита или занимаемое ею мѣсто.

Позади текста	Ls. 0.16	} плюсъ 50% гор. налога.
лит. учрежд. "	0.20	
ожение труда "	0.10	
.	0.70	

Цѣна отдельнаго номера
въ Ригѣ и въ провинціи Ls. 0.6.

Подписная цѣна на мѣсяцы
Въ Латвіи Ls. 1.50. За границей Ls. 2.50.

Главная контора: Рига, Конюшенная ул., № 19. Телефонъ 16-21.

Типографія и Экспедиція: ул. Черноголовыхъ № 2. Тел. № 45-64.

Редакція:

Рига, Конюшенная ул. № 19, Тел. 16-21.
Почт. ящ. 406.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5 до 8 ч. веч.
Рукописи не возвращаются.

Чеховъ.

(Къ двадцатилѣтію со дня кончины).

Къ этому дорогому имени мы не прибавляемъ инициаловъ „А. П.“, ибо это имя принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не тускнѣя даже передъ временемъ всегда являютъ собой синтезъ безсмертныхъ началъ въ человѣческой душѣ.

Двадцать лѣтъ прошло со дня смерти Чехова.

Мы современники перевиваемся въ комкѣ политики, путаемся въ лабиринтахъ изысканій, гдѣ кровь душисть мысль, а мысль рождаетъ кровь, гдѣ въ балансахъ между религіей и уродливымъ атеизмомъ вздрагиваетъ нашъ духъ, прерывисто бьется пульсъ и на тупикахъ срываюцца всѣ идеалы, всѣ казалось, прочныя устои нашей жизни. То что вчера было вѣрой, сегодня блѣфъ, а завтра снова пустота и еще острѣе порывъ къ истинѣ.

Такъ въ борьбѣ и вздрагиваніяхъ горитъ современность; ритмъ нашей борьбы и паденій принимаетъ такіе углы и крайности, которыхъ давно не знаетъ исторія.

Оттого то съ полной радостью мы обращаемъ свои взоры къ тому, кто въ свѣтлыхъ добрыхъ и скрытыхъ за пенсне улыбающихся глазахъ, носилъ незыблемое миротворное тепло жизни.

Мы жадно вглядываемся своей измученной душой въ пустоту современности и какъ странники въ бурю на морѣ жадно ловятъ взоромъ спасительныхъ маяковъ, такъ и мы ищемъ спасительнаго духовнаго маяка.

Ихъ немного у насъ — они въ прошломъ — они не въ Марксахъ и „Райскихъ“ грезахъ — они въ другихъ — ясныхъ, почти святыхъ образахъ. И въ числѣ этихъ мая-

ковъ, образовъ, въ первомъ ряду стоитъ Чеховъ.

Въ свое время въ Чеховѣ особо усматривали и замѣчали лучистый юморъ—такъ было въ читательской массѣ и примитивѣ.

Иные говорили о пессимизмѣ въ творествѣ Чехова, немногіе находили въ этомъ пессимизмѣ грань къ яркому и полному жизнеобилію, но чаще самое главное въ Чеховѣ не замѣчалось. Это главное, что и есть его безсмертное и весьма близкое, невыразимо въ словахъ.

Оно только о щ у щ а е т с я. И особенно теперь когда 20 лѣтъ отдаляютъ насъ отъ Чехова, 20 тяжелыхъ и путанныхъ лѣтъ нашихъ ошибокъ и заблужденій — особенно теперь уже многимъ отрадно вернуться къ Чехову, только теперь мы начинаемъ понимать это самое главное, невыразимое въ словахъ. Какъ часто наши души неспокойны, какъ томимся мы каждый по своему, какъ тоскуемъ и тянемся мы куда то, въ свою „Москву“, къ своей далекой, неуловимой „Чайкѣ“.

И какъ слѣпы и близоруки тѣ, которые мыслятъ, что образы Чехова это особые типы прежней отжившей „бездомной“ интеллигенціи, которые не замѣчаютъ, что мы всѣ, безъ исключенія, современные въ той или иной степени носимъ въ себѣ это неистребимое Чеховское.

Въ наше насильническое кровавое время тираны Россіи презрительно говорятъ о насъ, о „мякотѣлой умирающей“ интеллигенціи, „ненужной для жизни“, — и жалкіе слѣпцы эти не понимаютъ, что этого „Чеховскаго“ не убить никогда, что это „Чеховское“ — самое главное въ человѣкѣ, что если отнять у насъ тоску по „Чайкѣ“—это значитъ отнять все и оставить мелкое, ползающее, скотское!..

Только теперь, я повторяю, когда

20 лѣтъ раздѣляютъ насъ съ Чеховымъ — мы понимаемъ по новому его творчество и видимъ въ немъ безсмертное, неистребимое начало.

Говоря о Чеховѣ естественно всякій разъ хочется перечислить и его заслуги и его роль въ общественномъ и литературномъ мірѣ — но мнѣ думается, что объ этомъ говорено много и серьезно всѣми авторитетами и что сейчасъ дороже и важнѣе отмѣтить новое неисчерпанное.

Лишь поэтому я не касаюсь, ни обзора его творческихъ этаповъ, ни изумительныхъ деталей его художественной души.

Между Чеховымъ и читателемъ не должно существовать никакихъ посредниковъ, ни въ лицѣ критика со своими обзорами и комментаріями, ни въ видѣ сужденій иныхъ знатоковъ, пытающихся оцѣнить, пояснить душу Чехова.

Истинно прикоснется къ Чехову и о щ у т и т ь его тотъ, кто останется съ нимъ наединѣ.

Одно лишь желаніе рвется изъ души когда говорятъ о Чеховѣ — желаніе рассказать, отмѣтить то, что дѣлаетъ съ людьми этотъ тихій, скромный, добрый сѣятель.

Тотъ, кто смотрѣлъ пьесы Чехова въ Художественномъ театрѣ знаетъ и чувствуетъ, какъ запечатлѣлись эти образы.

Проходятъ годы, много хорошаго стирается въ памяти, но образы Чехова остаются во всей яркости.

Нѣкоторые не удовлетворялись постановкой Х. Т.

Желчные сухари выискивали пищу своему болѣзненному скептицизму, но развѣ они, вѣчно недовольные неудачники, не видѣли, съ какими добрыми лицами, мягкими улыбками выходили толпы изъ Камергерскаго переулка?!..

Развѣ они не видѣли небывало благотворнаго дѣйствія на людей

настоящаго, реальнаго явленія, отъ соприкосновенія съ Чеховымъ?!

Многіе писатели глубоки, многогранны въ своемъ творествѣ, но ихъ творчество и индивидуальность, погружившаяся въ него, такъ разбросаны, такъ страшны, что душа читателя теряется, путается въ нихъ и наполняется ихъ ужасомъ, не дающимъ ни надеждъ, ни вѣры, ни утѣшенія.

Но обратимся къ Чехову. Какой пластъ жизни незамѣтно, на фонѣ мягкаго юмора разворошилъ онъ!

Какъ много томительныхъ вопросовъ и философій захватилъ онъ!

Какъ много ужаса безъ вычурныхъ перегруженій, остраго ужаса „сѣрой жизни“ раскрылъ онъ!

Вспомните „Злоумышленника“, „Вѣдьму“ и мн. др. „мелкіе“ рассказы...

Но онъ, твердый и увѣренный, знающій истину жизни, не покидаетъ читателя въ этомъ ужасѣ, или мучительной философій, въ каждомъ случаѣ онъ даетъ утѣшеніе, окрыляетъ надеждой и указываетъ ясный истинный путь.

Показывая „сѣрую бездѣятельность“, онъ удовлетворяется яркой картиной, онъ торопится сказать: „Надо работать, надо работать, господа! Поменьше серьезныхъ лицъ, серьезныхъ разговоровъ—работать надо!“

Есть путь не пустой, бессмысленный, мечтательный, а ясный, точный путь!

Чеховъ! Истинный художникъ, ничего не мѣнялъ въ той правдѣ жизни, которая насъ окружаетъ, ничего не фантазировалъ, никогда не прельщался жаждой поразить читателя красивой фантастикой—все рисовалъ такъ, какъ есть, ничего не прибавляя и смягчая лишь незлобивымъ юморомъ. Казалось бы, въ чемъ же новое?

А между тѣмъ, еще никто до Чехова не показалъ такъ ярко то, что намъ нужно, никто до него не бросилъ такъ широко въ глаза общества неисчислимыя пригоршни горькихъ фактовъ.

Всякій другой становился бы въ позу, невольно попалъ бы въ это,—Чеховъ же дружески, скромно проходитъ по рядамъ читателей, ласково прищурившись, улыбается намъ съ портретовъ и своимъ обаяніемъ и спокойствіемъ охватываетъ наши души.

Итакъ, мы приблизились къ тому, что назвали самымъ главнымъ въ Чеховѣ.

Это самое главное еще не разъ будетъ встряхивать насъ въ современномъ лабиринтѣ и тупикѣ и, встряхнувъ, еще не разъ обвѣетъ людей тѣмъ безконечнымъ тепломъ, котораго такъ жаждутъ многіе, котораго такъ мало въ жизни!..

И когда усталые, запутавшіеся и переутомившіеся безрезультатной борьбой нашей личной жизни и общественной—мы возьмемъ въ руки дорогой томикъ Чехова, мы прочтемъ:

„Не плачь, дядя Ваня, не плачь!.. Мы будемъ жить... Ты не зналъ въ жизни радостей. Но я вѣрую, дядя, милый дядя,—настанетъ день, и мы услышимъ ангельское пѣніе, мы увидимъ все небо въ алмазахъ! Мы увидимъ, какъ все зло наше, всѣ страданія потонутъ въ милосердіи, кротости, которое заполнить собою весь міръ. Мы отдохнемъ и на перешнѣя наши несчастія оглянемся съ умиленіемъ и отдохнемъ...“

Я вѣрую!.. вѣрую...

Мы отдохнемъ!

Александръ Череповъ.

1924 г.